

Уездный начальник вежливо поднял чашку чая, и всех тут же «вежливо» выпроводили наружу — живой пример древнего обычая «подать чай — проводить гостей».

Вэнь Жунь нашёл это весьма забавным!

Однако, выйдя из усадьбы, он посмотрел на солнце — уже почти полдень — и пригласил дедушку Чжана пообедать:

— Пойдём в трактир «Хуншэн».

— Какой обед? Вон там тебя уже ждут! — дедушка Чжан кивнул подбородком в сторону укромного уголка. Староста Вэнь с двумя спутниками смотрел на Вэнь Жуня с обиженным и недовольным видом.

Цок-цок-цок!

Вэнь Жунь весело отозвался:

— Пусть ждут! Раз он не хочет со мной разговаривать, я тоже не стану лезть в разговор первым. Пойдём, дедушка, выпьем немного — угощаю! Поешь чего-нибудь вкусненького и пригубим старого вина.

Сейчас у него как раз было прекрасное настроение для выпивки.

Жаль только, что если он не пойдёт к старосте, тот вполне может подойти сам!

Едва Вэнь Жунь и дедушка Чжан вышли из кареты у входа в трактир «Хуншэн», как к ним подошёл староста Вэнь. Лицо его по-прежнему было мрачное, но тон заметно смягчился:

— Вэнь Жунь, давай поговорим. Ты выбрал-таки подходящее время для перезахоронения.

И правда, сейчас Вэньцзячжуань действительно не осмеливался предпринимать что-либо.

— Хорошо, заходите, поговорим, — без обиняков ответил Вэнь Жунь. — Но обедать будем порознь, каждый за себя платит. Место для разговора я выбрал, а соглашаться или нет — решать тебе.

С этими словами он взял дедушку Чжана под руку и вошёл в «Хуншэн».

Это место ему было отлично знакомо.

Дела в трактире шли отлично.

Хотя сейчас и был неурожайный период, в уезде всё же водились состоятельные семьи и богачи. К тому же «Хуншэн» недавно принял как ежегодное собрание академии, так и банкет в честь нового уездного начальника — это был ясный сигнал.

Поэтому дела у «Хуншэна» шли гораздо лучше, чем у других трактиров.

Бывший старший слуга теперь стал управляющим, а старший брат Чжан возглавил сразу нескольких управляющих и контролировал несколько заведений.

Едва Вэнь Жунь переступил порог, как бывший старший слуга — теперь уже управляющий — тут же подскочил к нему:

— Господин Вэнь! Дедушка Чжан!

— Ты здесь? Отлично! Нам нужно уединённое место, чтобы кое-о чём поговорить, — с хитринкой сказал Вэнь Жунь своему знакомому. — Но учти: обедаем мы отдельно и платим сами за себя. Не перепутай! Я, земский чиновник, угощаю дедушку Чжана, а за остальных не отвечаю.

Лицо старосты Вэнь исказилось от досады — зрелище было поистине выразительное.

— Понял, понял! — управляющий, конечно, не зря дорос до своего положения. — Вам просто нужно место, где спокойно посидеть и поговорить. Я распоряжусь: в подарок от заведения — кувшин чая и две тарелки сладостей. Не для сытости, но хоть горло смочить.

Он не сказал прямо, что угощает их бесплатно, и не повёл в отдельный кабинет, а отвёл в так называемые «изящные места для сидения».

Эти места находились в углу зала: два квадратных стола — как раз хватит для двоих с Вэнь Жунем и троих с другой стороны.

Столы стояли недалеко друг от друга, но чётко разделялись — сразу было видно, что это две разные компании.

— Горячий чай подан! — весело воскликнул бывший подавальщик, ныне старший слуга, и принёс каждой стороне по кувшину горячего чая и по две тарелки сладостей.

Чай был из «высокой пыли» — то есть из крошек высокосортного чая.

Сладости тоже были простыми: тарелка с цветочной рисовой пастилой и тарелка с ореховым печеньем.

Более того, сообразительный слуга даже принёс плетёную ротанговую ширму, немного отделив их уголок от остального зала.

Теперь здесь стало вполне уединённо: пока никто не будет кричать, их никто не заметит.

Это полностью устраивало и Вэнь Жуня, и старосту Вэнь.

— Вэнь Жунь, господин Вэнь! Ты ведь всё-таки носишь фамилию Вэнь! Неужели совсем не оставишь нам ни малейшего шанса на примирение? — староста Вэнь был в бешенстве и в отчаянии. С одной стороны, глава рода давил на него своим авторитетом старшего, с другой — односельчане требовали от него, как от старосты, принять их сторону. Он чувствовал себя, как крыса в мехах — с обеих сторон доставалось!

— Моё требование предельно просто, — холодно и спокойно усмехнулся Вэнь Жунь. — Перезахоронение. Как только оно состоится, все наши счёты будут закрыты. После этого я пойду своей дорогой, а вы — своей. Но если в этот момент кто-то попытается мне помешать, пусть не пеняет на меня! Мой статус земского чиновника ещё кое-что значит. Не дадите перезахоронить — устрою так, что вам не поздоровится!

Дедушка Чжан молча клевал сладости.

Он прекрасно понимал, что Вэнь Жунь просто прикрывается своим чином, чтобы напугать деревню Вэньцзячжуань. Но он молчал и не лез не в своё дело: кто знает, о чём они там с уездным начальником толковали?

Разговоры о чайных сортах вроде «Цзюньшань Иньчжэнь» его совершенно не интересовали, но он знал: это и есть способ общения между учёными людьми — действительно изысканный и благородный.

Но кто же знал, о чём они там на самом деле говорили? Может, и вправду немного поболтали о чае?

Ах да, Вэнь Жунь даже рассказал небольшую историю.

— Хорошо, я вернусь и всё передам, — сказал староста Вэнь. Ведь окончательное решение принимали не только он, но и глава рода с советом старейшин.

Вэнь Жунь не стал его подгонять. В этот момент подошёл слуга:

— Что прикажете заказать?

— Три миски «большой мясной лапши»! — заявил староста Вэнь. Он был человеком, дорожающим своим престижем, и не мог допустить, чтобы род Вэнь потерял лицо даже за пределами деревни.

На самом деле, вполне можно было бы взять и простую «янчуньскую лапшу», но ради показухи он упрямо заказал три большие порции мясной лапши.

Эта «большая мясная лапша» представляла собой огромную миску лапши, сверху посыпанную зелёным луком и кинзой, покрытую яичной соевой пастой и увенчанную большим куском жирной свинины, похожей на тушёное мясо. По мнению старосты Вэнь, это уже было отличное угощение. Кроме того, он заказал ещё самую дешёвую тарелку проростков соя с уксусом и перцем и тарелочку пятипряных бобовых брусков.

Мясо и овощи — сбалансированное питание, вроде бы неплохо.

Но, увы, всё зависит от того, с кем сравнивать.

Вэнь Жунь же пригласил дедушку Чжана выпить, поэтому заказал жареный арахис как закуску к вину, жирную тушёную свиную голову, а также другую тарелку проростков соя с уксусом и перцем (не такую, как у соседей), тарелку маринованной баранины и два кувшина старого вина с двумя рюмками. Основного блюда пока не заказывал.

Ведь когда пьёшь вино, едят закуски — кто вообще видел, чтобы за вином ели основное блюдо?

Сравнение получилось разительным — сразу было ясно, кто здесь «выше», а кто «ниже».

Вэнь Жунь налил вина дедушке Чжану:

— На этот раз поеду один. Вы уж дома займитесь весенними посевами. Мои поля вы знаете — кому отдать под посев, тому и отдавайте. Мне всё равно, лишь бы осенью собрать урожай. Детям я дам каникулы на время полевых работ — пусть помогут родным, чем смогут. А как вернусь, снова начнём учиться.

— Отличное решение, — одобрил дедушка Чжан. Больше всего ему нравилось в Вэнь Жуне то, что тот всегда учитывал семейные обстоятельства своих учеников.

Например, он всегда кормил детей досыта, но никогда не давал им еду с собой домой — разве что ребёнок хорошо учился или сильно прогрессировал. Тогда он выдавал так называемую «стипендию» — всего-навсего три-пять медяков. Для взрослых это мелочь, но дети чувствовали: они сами зарабатывают деньги!

Их рвение к учёбе только усиливалось!

Пока Вэнь Жунь с дедушкой Чжаном весело ели и пили, соседи смотрели на них с завистью — глаза у них покраснели.

Им даже есть расхотелось... У тех — четыре блюда и суп, у них — одна лапша да две маленькие закуски.

Там — вино и мясо, а у них — вот это всё... Контраст был слишком велик. Сравнение всегда причиняет боль. Ведь именно они, а не какой-то посторонний дедушка Чжан, были родичами Вэнь Жуня! А он с таким уважением относится к чужому старосте, а к своим — вот так...

Они быстро доели и поспешили уйти.

Когда те ушли, дедушка Чжан спросил Вэнь Жуня:

— Каковы твои планы дальше?

— Поедем в даосский храм Байюньгун, — ответил Вэнь Жунь. — Нужно подобрать благоприятный день.

— Хорошо, поеду с тобой. Я знаю дорогу, — сказал дедушка Чжан. — Не даром же ты угощал меня вином, хе-хе-хе...

Вэнь Жунь тоже улыбнулся. Ему казалось, что дедушка Чжан вовсе не такой простак, каким кажется.

После сытного обеда Вэнь Жунь расплатился, и дедушка Чжан повёз его на повозке в храм Байюньгун.

Городской храм Байюньгун на самом деле представлял собой просто большой двор. В нём стоял главный трёхкомнатный зал и по обе стороны — флигели для временного проживания. В главном зале никто не жил — там находились алтари Трёх Чистотам и другим даосским божествам.

Это было также офисное помещение Даосского управления (Даолусы).

Дедушка Чжан привёл Вэнь Жуня внутрь, но сразу никого не искал. Сначала они прошли в главный зал — вернее, теперь уже следовало называть его «главным храмом» — и совершили поклоны Трёх Чистотам, возжигая благовония. Вэнь Жунь также положил в ящик для пожертвований два ляна серебра и одну цянь (связку монет).

Только после этого дедушка Чжан повёл его не в восточный и не в западный флигель, а к ряду домиков сзади.

Это можно было считать вторым двором, хотя здесь даже не было второй воротной арки. За этими домиками находился небольшой огородик и стена.

Всё было очень просто. Именно здесь, во втором ряду строений, они встретили старого даоса.

Тот был с белоснежными волосами и бородой и носил почти новую даосскую рясу. В этот момент он как раз заваривал чай:

— Сегодня утром у ворот чирикали сороки — сразу понял, что к нам пожалует знатный гость. Даос уже давно вас ждёт!

— Даос, здравствуйте! — дедушка Чжан поклонился. — Позвольте выпить чашечку чая. Это Вэнь Жунь, земский чиновник.

— Даос, здравствуйте! — поспешно поклонился и Вэнь Жунь. — Я пришёл с просьбой.

— Даос уже всё знает. Не волнуйтесь, всё готово, — улыбнулся старый даос. — Как только я узнал о ваших намерениях, стал ждать вашего визита. Вы, господин Вэнь, оказывается, умеете терпеливо ждать!

Вэнь Жунь смущённо улыбнулся:

— Просто подумал, что в первый месяц года приходить неуместно.

— А сейчас — самое время! — весело сказал старый даос и протянул ему чашку чая. — Выпейте чай, а потом поднимайтесь на гору — там вас ждёт мой ученик. Он всё устроит.

— Большое спасибо! — поспешно поблагодарил Вэнь Жунь.

Выпив чашку чая — по сути, просто немного отдохнув — они распрощались и вышли.

Прямо отсюда они направились в храм Жуи на восточной горе города — тот самый, куда Вэнь Жунь ранее приходил помолиться. По сравнению с городским Байюньгуном, храм Жуи пользовался гораздо большей популярностью у верующих.

Когда они прибыли туда, уже начало темнеть.

Они вошли в храм и попросили доложить настоятелю.

Настоятеля звали даос Цинфэн.

— Даос Цинфэн, здравствуйте! — Вэнь Жунь почтительно поклонился.

— Господин Вэнь, рад вас видеть! — ответил даос Цинфэн. Он тоже был немолод — его волосы уже поседели.

Заметив скрытый взгляд Вэнь Жуня, которым тот оценивал его возраст, даос Цинфэн улыбнулся:

— Неужели господин Вэнь считает, что я почти ровесник моего учителя?

— Нет-нет, — поспешно отрицал Вэнь Жунь, качая головой.

— Ничего страшного, — спокойно сказал даос Цинфэн. — Меня подобрал учитель в пятнадцать лет, когда он спускался с горы для практики. Нашёл меня младенцем под клёном (цинфэнем). Хотя мы и называем друг друга «учитель» и «ученик», на самом деле он всего лишь на десяток лет старше меня. Позже я признал его своим учителем, ведь именно он вырастил меня и передал мне своё духовное наследие.

— Понятно, — кивнул Вэнь Жунь и мягко перевёл разговор на другую тему.

Сменив тему, дедушка Чжан сам завёл речь и рассказал даосу Цинфэну о деле Вэнь Жуня.

— Это легко устроить, — сказал даос Цинфэн. — Я уже проверил: в ближайшие десять дней все дни благоприятны для перезахоронения. Как у вас с подготовкой?

— Почти всё готово, — ответил Вэнь Жунь. — Ещё когда строил дом, я заказал новый гроб и попросил мастеров из похоронной лавки осмотреть новое место для захоронения.

Остаётся лишь перенести останки — и сразу можно будет предать земле.

Правда, сам процесс перезахоронения Вэнь Жунь знал плохо — нужен был человек, который бы всё объяснил и показал.

Именно таким человеком и был даос Цинфэн.

— Хорошо, — кивнул тот и взмахнул пуховкой в руке. — Через пару дней я сам вместе с учениками приеду в Ляньхуаао. Проживание и питание ты, разумеется, организуешь — таков обычай при перезахоронении. Вот, посмотри.

Он протянул Вэнь Жуню три-четыре листа бумаги.

Вэнь Жунь склонился над ними и внимательно стал читать. Правил оказалось немало.

— Да уж, — удивился дедушка Чжан, заглядывая через плечо. — Столько всяких требований?

В Ляньхуаао никто никогда не переносил могил, но видели, как это делали в других семьях.

— Дело в том, что он собирается перенести не только могилы родителей, но и прародителей, — пояснил даос Цинфэн. — Поэтому и требований больше. К тому же перезахоронение — дело серьёзное. Ты точно договорился с Вэньцзячжуанем?

Ведь могилы находились на родовом кладбище Вэньцзячжуаня. Кто осмелится самовольно трогать семейные предковые захоронения?

Если ты уйдёшь, оставив после себя огромную яму на месте чужой родовой могилы... ну, это уж... цок-цок-цок!

Настоящая нечисть и несчастье!

— Они не посмеют отказаться, — холодно усмехнулся Вэнь Жунь. — Будьте спокойны.

Поскольку приехали слишком поздно, они остались на ночь в гостевых покоях храма Жуи. Каждому выделили отдельную маленькую комнату, похожую на номер в гостинице: у входа стояла небольшая китайская печь-кан, чуть больше двуспальной кровати, с чистым циновочным покрывалом, одеялом и подушкой.

В комнате также стоял квадратный столик и два стула, в углу — умывальник с белым полотенцем, а над каном висел масляный светильник на специальном кронштейне.

Обстановка была по-старинному изящной, но крайне простой.

Ясно было, что такие комнаты предназначены лишь для ночёвки. Если же кто-то захочет уединиться здесь для духовных практик, позади имелись другие гостевые дворики — но стоили они немало. Скорее всего, это делалось «для вида»: на самом деле никто там не жил.

Ужин тоже был скромным — просто горячая лапша в бульоне с ломтиками бамбука, шиитаке и тофу-пальчиками.

Блюдо получилось лёгким, но очень вкусным. Вэнь Жунь выпил даже весь бульон, оставив лишь палочки и пустую миску.

Он рано лёг спать. Здесь, в горах, царила полная тишина — ни птичьего щебета, ни собачьего лая. Он крепко уснул и проснулся на следующее утро свежим, бодрым и отдохнувшим, как никогда.

После сытного завтрака он с дедушкой Чжаном бодро и решительно отправились обратно в Ляньхуаао.

В тот же день дедушка Чжан повёл его на местное кладбище...

У Ляньхуаао не было родового кладбища — сюда когда-то пришли переселенцы-беженцы, и прошло всего два-три поколения. Кладбище располагалось на первом холме небольшого горного хребта к западу от деревни.

Расстояние до деревни было в самый раз — ни близко, ни далеко. Наверху зеленели кипарисы и сосны, а у подножия холма журчал ручей.

Но, добравшись до места, Вэнь Жунь наконец понял, почему именно здесь когда-то выбрали участок для захоронений.

<http://bllate.org/book/15642/1398099>